

Леди Моргана

Касание смерти

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Леди Моргана

Касание смерти

«Автор»

2026

Моргана Л.

Касание смерти / Л. Моргана — «Автор», 2026

«Я не могу коснуться тебя, иначе ты умрёшь. Но каждый день ты дразнишь меня, раздеваясь взглядом, шепча непристойности через тонкую ткань перчатки. Ты – моя служанка, мой палач и моё единственное спасение.» Герцог Леонард проклят ведьмой: любое его прикосновение убивает. Он живёт в изоляции с верным дворецким Робом и дерзкой служанкой Алисой. Она безумно влюблена в него и не боится смерти – напротив, она жаждет его касания даже ценой жизни. Их любовь – это игра с огнём, где каждый поцелуй через стекло, каждый шёпот у закрытой двери, каждая ночная фантазия превращается в изощрённую эротическую пытку. Смогут ли они найти способ снять проклятие, не убив друг друга? Или Алиса всё-таки заставит его коснуться её – прямо сейчас, на этих страницах? Книга 18+ содержит сцены психологического и физического соблазнения, фетишизацию запретного и откровенные описания желания без касания.

© Моргана Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Три года	5
«Игры с огнём»	13
«Слуга, который видел всё»	18
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Леди Моргана

Касание смерти

Три года

Утро в поместье Эшворт начиналось одинаково уже три года.

Сначала – серый свет, пробивающийся сквозь тяжёлые бархатные шторы. Затем – шорох шагов в коридоре. Роб стучал ровно три раза, входил, раздвигал занавески, не глядя на кровать. Он никогда не смотрел на спящего герцога – из уважения или из страха, Лео не знал. Возможно, просто из привычки.

– Ваша светлость, завтрак через двадцать минут, – произносил дворецкий голосом, лишённым интонаций. – Сегодня каша с мёдом, яйца пашот и свежий хлеб. Гостя не ожидается.

– Благодарю, Роб.

Лео садился на кровати, поправляя длинную ночную рубашку. Он спал в хлопковых перчатках – тонких, почти невесомых, но достаточных, чтобы случайно не коснуться собственной кожи. Мысль о том, что даже его собственное тело могло убить его, если бы он коснулся лица или шеи, была настолько абсурдной, что он давно перестал над ней смеяться.

«Ты – оружие, Лео, – говорил ему когда-то придворный маг. – Оружие не может трогать себя. Оружие может только убивать».

Он умывался с помощью длинных щипцов, которыми Роб подавал ему влажное полотенце. Зубы чистил специальной щёткой на палке. Одевался, не касаясь пуговиц – их застёгивал дворецкий, стоя на расстоянии вытянутой руки и используя крючки из слоновой кости.

Каждое движение было ритуалом. Каждый ритуал – напоминанием о том, что он – не человек. Он – проклятие в человеческой оболочке.

Но сегодня ритуал нарушился.

Когда Лео спустился в столовую – огромный зал с дубовым столом на двадцать персон, где он всегда сидел в одиночестве во главе – он увидел, что стол накрыт не Робом.

Вместо строгого белого льна с серебряными приборами, на скатерти красовались яркие салфетки с вышитыми розами. Вместо тяжёлых подсвечников – тонкие свечи в стеклянных вазах. И вместо обычного фарфора – тарелки с золотой каймой, которые Лео не видел со смерти матери.

– Доброе утро, ваша светлость.

Она стояла у буфета, поправляя складки на своём чёрном платье. Белый фартук был завязан сзади огромным бантом, кружевная повязка на рыжих волосах сидела чуть набок, придавая ей вид непослушной школьницы. Алиса улыбалась – той самой улыбкой, от которой у Лео пересыхало в горле.

– Что что ты сделала со столовой? – спросил он, замирая на пороге.

– Украсила. – Она пожала плечом и подошла к стулу, отодвигая его ровно настолько, чтобы Лео мог сесть, не касаясь её. – Роб сказал, что вы не любите перемены. Я решила, что это грустно. Человек, который не может трогать мир, должен хотя бы видеть красивое.

– Я не

– Садитесь, ваша светлость. Каша остывает.

Он сел. Алиса встала справа от него – ближе, чем позволяли правила. Обычно слуги держались на расстоянии трёх шагов. Она стояла на расстоянии одного вытянутого локтя. Лео чувствовал запах её духов – лаванда, ваниль и ещё что-то пряное, вроде корицы.

– Сегодня на завтрак, – начала она, поднимая крышку с серебряного блюда, – каша из риса с мёдом и фисташками. Яйца пашот на подушке из шпината. Хлеб с маслом и розовым перцем. И

Она сделала паузу, обводя рукой стол.

– я добавила малиновый джем. Вы любите джем? Роб не сказал.

– Я не знаю, – честно ответил Лео. – Я не пробовал джем с десяти лет. Руки слуг не должны пачкаться, когда они меня кормят. Джем липнет к перчаткам.

Алиса нахмурилась.

– Это глупо.

– Это безопасно.

– Безопасно для кого? Для них? – Она кивнула в сторону двери, за которой, вероятно, стоял Роб. – Или для вас?

Лео не ответил.

Алиса взяла ложку – обычную, серебряную, без длинной ручки, которой пользовались другие слуги. Она зачерпнула кашу и протянула ложку Лео. Не кладя её на тарелку. Не используя щипцы. Просто держала в руке, ожидая, пока он наклонится.

– Что ты делаешь? – спросил он шёпотом.

– Кормлю вас. Как нормального человека. Откройте рот.

– Алиса, если я случайно коснусь твоей руки

– Вы не коснётесь. – Её голос стал твёрже. – Я верю в вашу осторожность. И в свою. Ешьте.

Он послушался. Наклонился, взял губами ложку – его рот был в миллиметре от её пальцев. Он чувствовал тепло её кожи, исходящее от ложки. Каша была сладкой, с мёдом и орехами. Но вкус её был ничто по сравнению с дрожью, пробежавшей по спине.

– Видите? – улыбнулась Алиса. – Никто не умер.

– Пока, – буркнул Лео.

Следующие десять минут прошли в странном танце. Алиса кормила его с ложки, словно ребёнка – или возлюбленного. Она намазывала масло на хлеб и подносила к его губам. Она разрезала яйцо и поддевала кусочки вилкой, которую затем протягивала ему. И каждый раз их разделяли миллиметры. Каждый раз Лео замирал, боясь вдохнуть слишком глубоко, чтобы случайно не коснуться её кожи.

Алиса, напротив, казалась совершенно спокойной. Даже весёлой.

– Вы дрожите, ваша светлость, – заметила она, подавая ему чашку чая. – Это от страха или от волнения?

– И то, и другое.

– Хорошо. Страх делает мужчину осторожным. А волнение – нежным.

Она поставила чашку на стол и вдруг наклонилась, поправляя салфетку у него на коленях. Её лицо оказалось в нескольких сантиметрах от его паха. Лео замер, боясь даже дышать.

– Простите, – сказала Алиса, выпрямляясь. – Салфетка сползла. – В её глазах плясали чёртики.

– Ты делаешь это нарочно, – прошептал Лео.

– Что именно?

– Дразнишь меня.

Алиса притворно нахмурилась.

– Я? Дразню? Ваша светлость, я просто исполняю свои обязанности. Горничная должна следить, чтобы её господин был сыт, чист и доволен.

Последнее слово она произнесла с таким придыханием, что Лео почувствовал, как кровь приливает к щекам – и не только к ним.

Он отодвинулся на стуле, надеясь, что широкие складки брюк скроют его реакцию.

– Думаю, на сегодня достаточно, – сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Роб закончит завтрак.

– Роб занят. – Алиса взяла со стола серебряную ложку – ту самую, которой только что кормила его – и медленно, глядя ему в глаза, облизала её. Сначала кончик, потом всю ложку, проводя языком по металлу. – Вкусно. Вы оставили немного мёда.

Лео показалось, что воздух в комнате стал густым, как патока.

– Это это моя ложка, – выдавил он.

– Теперь моя. – Она улыбнулась и положила ложку в карман фартука. – Сувенир на память о первом завтраке.

Она отвернулась, чтобы взять чайник и долить ему чай. И в этот момент – случайно или намеренно – опрокинула солонку. Солонка упала, соль рассыпалась по скатерти. А ложка – большая разливательная ложка – со звоном покатила на пол.

– Ой, – сказала Алиса, не выказывая ни капли сожаления. – Я такая неуклюжая. Ваша светлость, не могли бы вы

Она не договорила. Вместо этого она посмотрела на ложку, валяющуюся у ног Лео, потом на него.

– Поднимите, – мягко попросила она.

Лео замер.

– Ты хочешь, чтобы я **наклонился** и **коснулся** пола? Руками? – спросил он медленно.

– Нет. – Алиса покачала головой. – Я хочу, чтобы вы подняли ложку. Просто наклонитесь и возьмите её.

– Ты знаешь, что я не могу.

– Почему?

– Потому что если я коснусь пола – а пол грязный, на нём пыль, остатки еды, бактерии – и эти бактерии окажутся на моей коже, они умрут? Или я убью их? Или – Он замолчал, понимая, что звучит как безумец.

Алиса рассмеялась.

Не зло. Не насмешливо. А звонко, искренне, как смеются люди, которые видят что-то абсурдное и нелепое.

– Ваша светлость, – сказала она, вытирая слёзы. – Вы правда думаете, что ваше проклятие распространяется на **ложку**? И на **пол**? И на **микробов**?

– Я не знаю, – признался Лео. – Я не проверял. Я не хочу никого убивать.

– Но ложка не живая.

– А пыль? А бактерии? А если под полом живёт червяк, и я через доску его убью?

Алиса посмотрела на него с восхищением.

– Вы удивительный человек, ваша светлость. Вы боитесь убить червяка через сантиметр дерева, но при этом готовы смотреть, как я облизываю вашу ложку.

Она подошла к нему, присела на корточки рядом со стулом и заглянула в глаза снизу вверх.

– Поднимите ложку, – повторила она уже без улыбки. – Я прошу вас.

– Я не могу.

– Не можете или боитесь?

– Это одно и то же.

– Нет. – Алиса коснулась его колена – через ткань брюк, но всё равно Лео вздрогнул. – Не можете – значит, физически неспособны. А боитесь – значит, можете, но не решаетесь. Так что именно?

Лео молчал. Она ждала.

– Боюсь, – наконец выдохнул он.

– Чего?

– Что если я наклонюсь, и ты случайно коснёшься меня? Или я тебя? Или – Он закрыл глаза. – Или что я пойму, что могу трогать неживые предметы без последствий, и тогда захочу трогать живое. Тебя. А это смертельно.

Алиса медленно кивнула.

– Значит, вы боитесь не ложки. Вы боитесь себя. Своего желания.

– Да.

Она встала, подошла к ложке и подняла её сама. Но не положила на стол. Вместо этого она взяла ложку за черенок и протянула ему.

– Возьмите. Через ложку. Это металл. Он не живой. Коснитесь черенка.

Лео колебался.

– Просто возьмите, – повторила она. – Я держу за другой конец. Если я умру, вы узнаете, что проклятие передаётся через предметы. Если нет – вы сделаете первый шаг к свободе.

– А если умрёшь ты?

– Значит, я умру счастливой. – Она улыбнулась. – Доверьтесь мне, ваша светлость.

Он протянул руку. Пальцы в тонкой перчатке сомкнулись на серебряном черенке. Металл был холодным, гладким, мёртвым. Алиса держала ложку с другого конца – её пальцы в кружевных перчатках горничной были в пяти сантиметрах от его.

Ничего не произошло.

Ни искры. Ни боли. Ни смерти.

– Видите? – прошептала Алиса. – Вы можете касаться мира. Просто не всего подряд.

Она медленно, очень медленно, потянула ложку на себя. Лео не отпускал. Ложка скользила, расстояние между их пальцами сокращалось. Четыре сантиметра. Три. Два.

– Остановись, – выдохнул Лео.

Она остановилась. Между их пальцами оставался один сантиметр пустоты – и металл ложки, который их соединял.

– Я могла бы отпустить ложку, – сказала Алиса. – И тогда ты бы коснулся меня через секунду. Потому что ты бы не успел убрать руку.

– Не делай этого.

– Почему? Ты боишься умереть? Или боишься, что я умру?

– И то, и другое.

– Ложь. – Её глаза сузились. – Ты боишься, что тебе **понравится**. Что когда ты коснёшься меня и увидишь, как я умираю, ты почувствуешь удовольствие.

Лео побледнел.

– Откуда ты

– Я читала ваши дневники. – Она сказала это так спокойно, будто призналась в том, что переставила книги в библиотеке. – Те, что под кроватью. Где вы пишете о снах. О том, как душите подушкой воображаемую женщину. О том, как она извивается, а вы чувствуете

– Замолчи! – Лео отпустил ложку, словно обжёгшись.

Алиса не шелохнулась. Она стояла с ложкой в руке и смотрела на него без страха, без отращения – с пониманием.

– Ваша светлость, – мягко сказала она. – Убивать во сне и убивать наяву – разные вещи. Я не боюсь ваших снов. Я боюсь только одного – что вы так и не решитесь коснуться меня.

Она положила ложку на стол и отошла.

В этот момент в дверь вошёл Роб. Дворецкий был, как всегда, безупречен: чёрный фрак, белые перчатки, бесстрастное лицо. В руках он нёс длинные металлические щипцы с резиновыми насадками на концах.

– Ваша светлость, – произнёс он, не глядя на Алису. – Я слышал звон. Вам нужна помощь?

– Нет, Роб, всё в порядке.

– Алиса, – Роб повернулся к ней. – Вы нарушаете дистанцию. Правила поместья запрещают приближаться к герцогу менее чем на три шага без защитного барьера.

– Какие правила? – Алиса скрестила руки на груди. – Те, что вы сами придумали?

– Те, что спасают жизнь. – Роб положил щипцы на стол. – Если вам так нравится поднимать упавшие предметы, используйте это.

Алиса посмотрела на щипцы – длинные, неуклюжие, с тупыми губками. Потом перевела взгляд на Лео.

– Вы хотите, чтобы я поднимала ложку щипцами? Как будто вы – прокажённый?

– Я хуже прокажённого, – тихо сказал Лео. – Прокажённый может коснуться другого человека и заразить его. Но тот хотя бы останется жив. Я же убиваю.

– Вы не убиваете специально.

– Это не имеет значения.

Алиса взяла щипцы, не глядя, подцепила ими ложку и бросила её в мойку. Звон металла эхом разнёсся по столовой.

– Вот, – сказала она. – Я подчинилась. Вы довольны, Роб?

Дворецкий не ответил. Он молча убрал со стола грязную посуду и вышел, плотно закрыв за собой дверь.

Наступила тишина.

Лео сидел, уставившись в свою пустую чашку. Алиса стояла у окна, глядя на серое утреннее небо.

– Прости, – неожиданно сказала она. – Я перегнула палку.

– Нет, – Лео покачал головой. – Ты права. Я слишком остро реагирую. Просто когда десять лет тебе внушают, что ты – смерть, начинаешь в это верить.

– А вы не верите?

– Не знаю. – Он поднял на неё глаза. – Иногда мне кажется, что проклятие – это только половина правды. Вторая половина – что я сам стал бояться жизни.

Алиса подошла к нему – медленно, соблюдая дистанцию. Остановилась в трёх шагах.

– Ваша светлость, – сказала она. – Я не боюсь вас. И я не боюсь умереть. Но я боюсь одного – что вы проживёте всю жизнь в этой клетке, так и не узнав, каково это – любить. По-настоящему. С касаниями. С поцелуями. С

Она замолчала, подбирая слова.

– С тем, от чего умирают? – закончил за неё Лео.

– С тем, ради чего стоит умереть.

Она поклонилась – по правилам этикета, но с каким-то вызовом – и вышла из столовой.

Лео остался один.

Он смотрел на пустое место, где только что стояла Алиса, на её чашку с недопитым чаем, на салфетку, на которой остался след её губной помады – тёмно-вишнёвой, почти чёрной.

«Она опасна», – подумал он. – «Она опаснее любого проклятия. Потому что заставляет меня хотеть того, чего я не могу иметь».

День тянулся медленно.

Лео провёл его в библиотеке, перебирая старые фолианты о проклятиях и их снятии. Ничего нового. Ведьма Моргана, которая наложила заклинание, исчезла. Её ритуалы были уникальны. Единственный способ снять проклятие – найти её и уговорить отменить заклинание. Или

Он захлопнул книгу.

«Или убить того, кто проклял. Но ведьма может быть уже мертва. Или бессмертна.

Или»

Мысли путались.

В четыре часа Роб принёс обед – суп-пюре из тыквы, запечённую рыбу и компот. Лео ел механически, почти не чувствуя вкуса. Роб стоял в углу, наблюдая.

– Ваша светлость, – сказал дворецкий, когда тарелки опустели. – Нам нужно поговорить об Алисе.

– О чём именно?

– Она нарушает протокол. Она приближается к вам без защитных барьеров. Она – Роб запнулся. – Она флиртует с вами. Это опасно.

– Я знаю.

– Тогда почему вы не прикажете ей держаться на расстоянии?

Лео отставил чашку.

– Потому что она единственная, кто не смотрит на меня как на чудовище. Даже ты, Роб. Ты предан, но ты боишься. Она – нет.

– Я не боюсь, – возразил дворецкий, но его глаза скользнули в сторону.

– Боишься. И правильно делаешь. – Лео встал. – Оставь нас. Я сам решу, что делать с Алисой.

Роб поклонился и вышел.

Вечер наступил незаметно.

Лео сидел в своей спальне у камина, перечитывая старый дневник – тот самый, о котором говорила Алиса. Он действительно писал там о снах. О том, как душил невидимую женщину. О том, как она таяла в его руках, а он чувствовал да, он чувствовал возбуждение. И стыд. И снова возбуждение.

«Я чудовище», – написал он в дневнике три года назад. – «Я хочу убивать. Я хочу чувствовать, как жизнь уходит из-под пальцев. Это не проклятие. Это я».

Он перечитал эти строки и закрыл дневник.

В дверь постучали.

– Ваша светлость? – голос Алисы.

– Войди.

Она вошла без перчаток. Лео заметил это сразу – её руки были голыми, бледными, с длинными пальцами, на которых не было колец. Она несла поднос с чайником и двумя чашками.

– Я подумала, вы захотите чаю перед сном.

– Спасибо.

Она поставила поднос на столик, налила чай в обе чашки – одну поставила рядом с Лео, вторую взяла себе. И села в кресло напротив. На расстоянии вытянутой руки.

– Не слишком близко? – спросила она, заметив его напряжение.

– В самый раз.

Они пили чай молча. Пламя камина отбрасывало тени на стены, делая их огромными и зловещими. Где-то в саду ухал филин.

– Ты читала мой дневник, – наконец сказал Лео.

– Да.

– И не убежала?

– Я уже говорила: меня не пугают твои фантазии. – Алиса поставила чашку. – Знаешь, что меня пугает по-настоящему?

– Что?

– Что ты никогда не попробуешь их осуществить. Даже если найдётся способ снять проклятие. Ты так привык к своей клетке, что боишься выйти из неё даже тогда, когда дверь открыта.

– Дверь не открыта. – Лео горько усмехнулся. – У меня даже нет ключа.

– А если я – ключ?

Она встала и подошла к нему. Медленно, как пантера. Встала прямо перед ним, так что её колени коснулись его колен через ткань брюк. Он не отодвинулся.

– Алиса

– Шшш. – Она приложила палец к своим губам. – Не говори ничего. Просто слушай.

Она опустила на колени перед его креслом. Теперь её лицо было на уровне его пояса. Лео замер, боясь пошевелиться.

– Я хочу, чтобы ты коснулся меня, – прошептала Алиса, глядя снизу вверх. – Не сегодня. Не завтра. Но однажды.

– Это убьёт тебя.

– Может быть. А может, нет. Ведьма Моргана не сказала, что проклятие действует на всех. Может, я – исключение.

– Ты не исключение. Все живое умирает.

– А ты проверял? – Она подалась вперёд, её дыхание коснулось его ладони, лежащей на подлокотнике. – Ты касался кого-то после матери? Животных? Растений? Насекомых?

– Нет.

– Тогда откуда ты знаешь?

– Роб сказал

– Роб боится. Роб не учёный. Роб – бывший солдат, который потерял жену и теперь цепляется за тебя как за смысл жизни. – Алиса коснулась его колена – через ткань, но Лео всё равно вздрогнул. – Не верь Робу. Верь мне.

– Почему я должен верить тебе?

– Потому что я единственная, кто хочет, чтобы ты коснулся меня. Несмотря ни на что. – Она улыбнулась, и в этой улыбке было что-то безумное, отчаянное и невероятно притягательное. – Я хочу чувствовать твои руки на своей коже. Даже если это будет последнее, что я почувствую.

Лео закрыл глаза.

– Ты ненормальная.

– Возможно. – Алиса встала, потянулась и зевнула, словно только что обсуждала погоду.

– Но ты тоже ненормальный. Мы идеально подходим друг другу.

Она направилась к двери, но на пороге остановилась.

– Ваша светлость?

– Что?

– Я хочу, чтобы ты коснулся меня однажды.

Она не обернулась. Просто вышла в коридор и закрыла за собой дверь, оставив Лео одного с чашкой остывшего чая и бешено колотящимся сердцем.

Он поднял руку – ту самую, которой она касалась через ткань. Ему показалось, что на коже осталось тепло её пальцев.

«Однажды», – подумал он. – «Однажды я коснусь её. Даже если это убьёт нас обоих».

За окном завыл ветер. Лео погасил свечи и лёг в постель, натянув одеяло до подбородка. Но сон не шёл. В ушах всё ещё звучал её шёпот:

«Я хочу, чтобы ты коснулся меня»

Он закрыл глаза и позволил себе представить. Как его пальцы скользят по её шее. Как она выгибается под его ладонями. Как её дыхание становится прерывистым. И как Лео резко сел.

«Нет. Не сейчас. Не сегодня».

Он взял с тумбочки дневник и написал:

«День 3653. Алиса сказала, что хочет, чтобы я коснулся её. Я хочу того же. Но боюсь. Не смерти – боюсь, что мне понравится убивать. Что я – чудовище, а не жертва проклятия.»

Завтра я попрошу Роба найти информацию о ведьме. Может, есть способ снять проклятие без жертв. А если нет, если нет, я не знаю, что буду делать».

Он закрыл дневник, спрятал под подушку и лёг.

В коридоре слышались шаги – лёгкие, быстрые. Алиса шла в свою комнату. Лео прислушался. Шаги затихли где-то в конце коридора. Хлопнула дверь.

«Спокойной ночи, Алиса», – мысленно пожелал он. – «Спокойной ночи».

Он не знал, что она стоит у своей двери, прислонившись лбом к дереву, и шепчет те же слова.

«Спокойной ночи, ваша светлость. Жди меня. Я не сдамся».

Утром Роб нашёл в столовой странный след – на белой скатерти, там, где сидела Алиса, был отпечаток губной помады. И под ним – слово, выведенное вилкой:

«Скоро».

Дворецкий вздохнул и убрал скатерть.

Он знал, что эта девчонка доведёт их всех до беды.

Но он не знал, что беда уже стояла у ворот поместья – в виде старой ведьмы с чёрными глазами и улыбкой, полной гнилых зубов.

Моргана вернулась.

«Игры с огнём»

Моргана появилась на пороге библиотеки ровно в полдень.

Лео узнал её сразу – высокую, костлявую, с чёрными глазами, в которых не было ни зрачков, ни радужки. Она носила длинное платье из вороньего пера и пахла болотом – тиной, гнилью и чем-то сладковатым, от чего у Лео начинало кружиться голова.

– Герцог Эшворт, – проскрежетала ведьма, не дожидаясь приглашения. – Вы выросли. А я думала, вы умрёте в детстве.

– Ещё не умер, – ответил Лео, откладывая книгу. – Зачем вы пришли?

– Соскучилась. – Моргана улыбнулась, обнажив жёлтые зубы. – И хочу посмотреть, как вы мучаетесь. Это моя плата за проклятие – наблюдать.

– Вы чудовище.

– Я ведьма. Это синоним.

Она прошла по комнате, касаясь корешком книг своими длинными пальцами с чёрными ногтями. Роб стоял у двери, сжимая рукоять кинжала, но не вмешивался – против магии он был бессилен.

– У вас появилась новая служанка, – заметила Моргана, останавливаясь у портрета матери Лео. – Рыжая. Дерзкая. Она не боится вас.

– Это не ваше дело.

– О, но моё. – Ведьма резко обернулась. – Потому что она может разрушить моё проклятие. Если вы коснётесь её с искренней любовью – не похотью, а любовью – заклинание ослабнет. Возможно, даже исчезнет.

Лео замер.

– Вы лжёте.

– Ведьмы не лгут, герцог. Мы говорим полуправду. – Моргана подошла к нему вплотную – настолько близко, что он почувствовал запах гнилых цветов. – Ваше проклятие держится на страхе. На страхе смерти. Если вы перестанете бояться – перестанете и убивать. Но для этого нужно коснуться того, кого вы любите больше жизни. И рискнуть.

– Зачем вы говорите мне это? – прошептал Лео. – Вы же сами наложили проклятие.

– Потому что я устала. – Ведьма пожала плечами. – Смотреть на ваши страдания было забавно первые десять лет. Теперь скучно. Либо вы снимете проклятие сами, либо я сниму его сама – ценой вашей жизни. Выбирайте.

Она щёлкнула пальцами и исчезла, оставив после себя облачко чёрного дыма и запах серы.

Роб подошёл к Лео.

– Ваша светлость, ей нельзя верить.

– А если она сказала правду? – Лео смотрел на то место, где только что стояла ведьма. – Если мне действительно достаточно коснуться Алисы с любовью?

– Она умрёт.

– А если нет?

Роб молчал. Он не знал ответа.

Вечером того же дня Лео сидел в спальне и смотрел на свои руки. Белые перчатки лежали на столике – он снял их впервые за много лет. Кожа была бледной, почти прозрачной, с голубыми венами, просвечивающими сквозь плоть.

«Если я коснусь ею – она умрёт. Если не коснусь – я умру от одиночества. Что хуже?»

В дверь постучали.

– Ваша светлость? – Алиса.

– Войди.

Она вошла без подноса, без чая, без предложения. В простом чёрном платье, с распущенными волосами – рыжая грива падала на плечи, скрывая кружево фартука.

– Моргана была здесь, – сказала Алиса, закрывая дверь за собой. – Я видела её из окна конюшни.

– Она сказала, что проклятие можно снять любовью.

– Я знаю.

– Откуда?

– Я тоже умею читать старые книги, ваша светлость. – Алиса подошла к кровати, на которой он сидел, и опустилась на край – на безопасном расстоянии. – Проклятия страха снимаются бесстрашием. Если вы коснётесь меня и не захотите моей смерти – я не умру.

– Это теория.

– Это единственный шанс.

Она сняла перчатки – свои, кружевные – и положила их на колени. Голые руки, бледные, с тонкими запястьями, лежали на чёрной ткани, как две змеи.

– Я хочу, чтобы вы коснулись меня, – повторила Алиса. – Не через стекло. Не через ткань. Не через перчатку. Кожей к коже.

Лео судорожно сглотнул.

– Не сегодня.

– Тогда когда? – Её голос дрогнул. – Когда Моргана вернётся и убьёт вас? Когда вы составитесь в этой комнате, так и не узнав вкуса женских губ? – Она подалась вперёд, её лицо оказалось в нескольких дюймах от его. – Я не хочу ждать, ваша светлость. Я хочу **сейчас**.

– Алиса

– Потанцуйте со мной.

– Что?

– Потанцуйте. – Она встала, отошла к центру комнаты и протянула ему руку. – Не касаясь. На расстоянии. Как на балу, только без музыки.

Лео колебался. Потом встал – голый руки он спрятал за спину, боясь даже случайно задеть её.

– Я не умею танцевать.

– Я научу.

Она подошла ближе – так, что их разделял один шаг. Подняла руки и замерла, ожидая, пока он сделает то же самое.

– Положите ладони напротив моих. Не касаясь. Противопоставьте тепло.

Лео медленно поднял руки. Его ладони – бледные, дрожащие – замерли в миллиметре от её. Он чувствовал жар, исходящий от её кожи. Жар живой, пульсирующий, опасный.

– Теперь двигайтесь за мной, – прошептала Алиса и начала медленно водить руками в воздухе, рисуя невидимые круги.

Он повторял. Их пальцы почти соприкасались, но не касались. Воздух между ладонями нагревался, становясь плотным, почти осязаемым.

– Вы чувствуете? – спросила Алиса. – Это электричество. Это желание. Это то, что происходит между мужчиной и женщиной, когда они слишком близко.

– Я чувствую только страх, – признался Лео.

– Страх – это тоже форма возбуждения.

Она сделала шаг вперёд – теперь их разделяли сантиметры. Лео отшатнулся, но она поймала его взгляд.

– Не отступайте. Смотрите на меня.

Он посмотрел. В зелёных глазах Алисы плясали отблески свечей. Она улыбалась – той самой улыбкой, от которой у него перехватывало дыхание.

– Разденьте меня взглядом, – сказала она. – Представьте, что вы срываете с меня платье. Пуговица за пуговицей. Кружево за кружевом.

– Алиса

– Я знаю, вы можете. Вы делали это в своих снах. – Она провела руками по своей груди – не касаясь, просто описывая контуры. – Представьте, что мои пальцы – ваши. Вот я расстёгиваю лиф. Вот платье падает к ногам. Вот я остаюсь в одной тонкой сорочке.

Лео тяжело дышал. Его руки дрожали в воздухе.

– Вы хотите меня? – спросила она прямо.

– Да, – выдохнул он. – Боги, да.

– Тогда покажите.

Она сделала ещё шаг – теперь их разделял всего миллиметр. Лео чувствовал тепло её груди через ткань платья. Если бы он сделал вдох глубже – коснулся бы.

– Коснись меня, – прошептала Алиса. – Просто кончиком пальца. Самую малость.

– Нет.

– Боишься?

– Да.

– Хорошо. – Она отступила на шаг. – Тогда я коснусь тебя.

Прежде чем Лео успел отреагировать, Алиса протянула руку и провела кончиком пальца по его щеке.

Он замер.

Её палец был горячим, чуть влажным от пота. Он скользнул по его скуле, по подбородку, остановился на губах.

– Ты не умер, – сказала Алиса. – Я не умерла. Потому что я коснулась тебя, а не ты меня.

– Это это не считается, – прохрипел Лео. – Проклятие действует только когда я касаюсь других.

– Значит, ты можешь трогать меня через мои прикосновения. – Она улыбнулась и провела пальцем по его нижней губе. – Каково это? Чувствовать чужую руку на лице?

– Слишком слишком хорошо.

– А так?

Она наклонилась и поцеловала его в уголок губ – быстро, едва касаясь, как птица клювом. Лео почувствовал вкус её помады – вишня и мята. И тепло. И жар, разливающийся по всему телу.

– Теперь ты поцелуй меня, – сказала Алиса, отстраняясь. – Не губами. Взглядом. Проведи взглядом по моим губам так, будто ты их целуешь.

Он посмотрел. Сосредоточенно, медленно, скользя взглядом по её губам – верхней, нижней, по ямочке над верхней губой. Она тихонько застонала.

– Да. Вот так. Продолжай.

Он перевёл взгляд на её шею – длинную, бледную, с бьющейся жилкой. Представил, как целует её там, как проводит языком по ключице. Алиса запрокинула голову, открывая ему доступ.

– Если бы ты мог коснуться меня, что бы ты сделал первым делом? – спросила она шёпотом.

– Я бы обнял тебя, – ответил Лео. – Просто обнял. Крепко. Так, чтобы ты не могла дышать.

– А потом?

– Потом я бы снял с тебя платье. Не спеша. Расстёгивая каждую пуговицу губами.

– О, – выдохнула Алиса. – Продолжай.

– Потом я бы поцеловал твои плечи. Грудь. Живот. – Его голос сорвался на шёпот. – Я бы опустился на колени и поцеловал тебя там, где ты хочешь больше всего.

– Где я хочу больше всего? – Она открыла глаза, в них горел зелёный огонь. – Скажи.
– Между ног, – выдохнул Лео. – Я бы поцеловал тебя между ног, пока ты не закричала.
Алиса закусила губу.

– А потом?

– Потом я бы вошёл в тебя. Медленно. Глубоко. Так, чтобы ты чувствовала каждый миллиметр.

– И что бы я делала?

– Ты бы вцепилась мне в спину, оставила царапины. Ты бы стонала моё имя. Ты бы – Он замолчал, потому что Алиса вдруг упала на колени и обхватила его ноги руками – через ткань брюк, но всё равно он почувствовал тепло.

– Прости, – прошептала она, уткнувшись лицом в его колени. – Я не могу больше. Я хочу тебя так сильно, что мне больно.

Лео стоял, не в силах пошевелиться. Её руки обнимали его икры, её дыхание обжигало кожу через ткань. Он знал, что должен оттолкнуть её, позвать Роба, прекратить это безумие.

Но он не мог.

Вместо этого он медленно опустился перед ней на колени. Их лица оказались на одном уровне – разделённые воздухом, но такие близкие, что Лео видел каждую ресницу, каждую веснушку на её носу.

– Алиса, – сказал он. – Я люблю тебя.

Она замерла.

– Не надо, – прошептала она. – Не говори этого. Потому что если ты скажешь это всерьёз, я потребую, чтобы ты коснулся меня. И тогда

– И тогда я, возможно, убью тебя.

– Да.

– Но я всё равно люблю тебя.

Она заплакала. Беззвучно, слёзы текли по щекам, падали на платье, на его руки, сжатые в кулаки.

– Зачем ты так со мной? – спросила она. – Зачем заставляешь меня надеяться?

– Потому что ты заставила меня надеяться. – Лео протянул руку – и остановился в миллиметре от её щеки. – Ты пришла в мою тюрьму и сказала, что не боишься. Ты кормила меня с ложки. Ты танцевала со мной. Ты – Он сжал кулак и убрал руку. – Ты единственное живое существо, которое я не хочу убивать. Я хочу любить тебя. Но не могу.

– Можешь, – прошептала она. – Просто коснись.

– Нет.

– Тогда позволь мне коснуться тебя.

Она потянулась к его лицу, но он отшатнулся.

– Нет, Алиса. Не сегодня. Я не готов рисковать тобой.

Она смотрела на него долгий миг. Потом встала, вытерла слёзы тыльной стороной ладони и поправила платье.

– Хорошо, – сказала она голосом, в котором не осталось и следа нежности. – Будь по-твоему. Но знай: я не отступлю. Я буду приходить каждую ночь. Я буду раздеваться перед тобой. Я буду шептать тебе непристойности, пока ты не сломаешься.

– Зачем? – спросил Лео.

– Потому что я люблю тебя, – ответила Алиса. – И я готова умереть за это. Вопрос только в том, готов ли ты жить.

Она развернулась и вышла, оставив дверь открытой.

Лео остался на коленях посреди спальни.

Его руки тряслись. В паху пульсировала боль – нестерпимая, запретная. Он знал, что должен пойти в ванную и остудиться холодной водой. Вместо этого он залез под одеяло и закрыл глаза, представляя, как Алиса касается его – губами, пальцами, всем телом.

Он не спал всю ночь.

А под утро, когда за окном запели птицы, он услышал шёпот из коридора.

– Ваша светлость? – Это была Алиса. – Я знаю, вы не спите.

– Что тебе нужно?

– Ничего. – В её голосе звучала улыбка. – Просто хочу, чтобы вы знали: сейчас я стою у вашей двери голая. Совсем голая. Под плащом ничего нет.

Лео сел на кровати.

– Ты лжёшь.

– Хотите проверить? – В дверь тихонько постучали. – Я могу войти. Вы не обязаны трогать меня. Просто посмотрите.

– Алиса

– Пожалуйста. – Её голос дрогнул. – Просто посмотрите на меня. Хотя бы раз.

Лео колебался несколько секунд. Потом встал, подошёл к двери и открыл её.

Алиса стояла на пороге, закутанная в чёрный плащ. Капюшон был откинут, рыжие волосы рассыпались по плечам. Она смотрела на него снизу вверх – большими глазами, в которых не было вызова, только просьба.

– Смотри, – сказала она и развязала пояс плаща.

Ткань упала на пол.

Она была совершенно голой.

Белая кожа, розовые соски, тонкая талия, округлые бёдра – и тёмный треугольник волос внизу живота. Лео смотрел, не в силах отвести взгляд. Она не пряталась, не закрывалась – стояла перед ним, как Ева перед грехопадением.

– Красиво? – спросила она шёпотом.

– Слишком, – выдавил Лео.

– Хочешь коснуться?

– Больше всего на свете.

– Тогда почему не касаешься?

– Потому что я люблю тебя, – ответил он. – И не хочу, чтобы ты умерла.

Она улыбнулась – грустно, смиренно – и подняла плащ с пола.

– Спокойной ночи, ваша светлость.

– Спокойной ночи, Алиса.

Она ушла, а он закрыл дверь и прислонился к ней лбом.

«Я не выдержу, – подумал он. – Ещё одна такая ночь – и я коснусь её. Будь что будет».

На рассвете Роб нашёл Лео спящим на полу у двери, в одной рубашке, с мокрыми от слёз щеками.

Дворецкий ничего не сказал. Он укрыл герцога одеялом и ушёл, плотно закрыв за собой дверь.

Внизу, в кухне, Алиса пила чай и смотрела на свои руки. Те самые, которыми она касалась его лица. Она поднесла пальцы к губам и поцеловала их – там, где секунду назад была его кожа.

«Скоро», – прошептала она. – «Скоро ты коснёшься меня. Или я умру, или мы будем счастливы. Третьего не дано».

За окном занимался серый рассвет.

Ведьма Моргана сидела на ветке старого дуба и улыбалась, глядя на поместье.

– Игра началась, – прошептала она. – Посмотрим, кто кого.

«Слуга, который видел всё»

Роберт Блэквуд проснулся за час до рассвета, как делал это последние пятнадцать лет.

Его комната находилась в северном крыле поместья – маленькая, почти спартанская: железная кровать, деревянный стул, распятие на стене и шкаф с двумя сменными фраками. Ни картин, ни безделушек, ни лишних вещей. Только оружие – кинжал под подушкой, меч у двери, арбалет на стене.

Он умылся холодной водой из кувшина, оделся, не глядя в зеркало – он знал своё лицо наизусть: шрамы от старых ран, седина на висках, серые глаза, которые видели слишком много смертей.

«Сегодня будет тяжёлый день», – подумал он, застёгивая пуговицы. – «Эта девчонка перейдёт все границы».

Он имел в виду Алису.

Она появилась в поместье три месяца назад, принесла с собой запах лаванды и хаос. Роб сразу понял, что она опасна. Не потому, что она могла убить герцога – наоборот, она могла заставить его **жить**. А жить для проклятого означало рисковать.

Роб спустился вниз, проверил кухню, конюшни, караульные посты. Всё было в порядке. Алиса ещё спала – её комната находилась на женской половине, и Роб не имел права туда входить. Но он знал, что она не спит. В последние ночи он слышал, как она ходит по коридору, останавливается у двери герцога, шепчет что-то.

«Совращает его», – с горечью думал Роб. – «И он позволяет».

В семь утра он постучал в спальню Лео.

– Ваша светлость, пора вставать.

Ответа не было. Роб подождал минуту, потом осторожно приоткрыл дверь.

Лео сидел на кровати, обхватив колени руками. Он был бледен, под глазами залегли тени, но взгляд – живой, острый, какой Роб не видел много лет.

– Доброе утро, Роб, – сказал герцог. – Сегодня я хочу принять ванну. Настоящую. В купальне.

Дворецкий удивлённо поднял бровь.

– Но, ваша светлость, вы не пользовались купальней с тех пор

– С тех пор как умерла мать, я знаю. – Лео встал, потянулся. – Сегодня буду. Подготовь воду. И скажи Алисе скажи ей, чтобы она помогла.

Роб замер.

– Ваша светлость, вы не можете позволить ей прикасаться к вам. Даже через ткань. Это слишком опасно.

– Я знаю. – Лео подошёл к зеркалу и поправил воротник рубашки – сам, без щипцов. – Но она всё равно будет рядом. Лучше пусть помогает под присмотром, чем лезет тайком.

Роб хотел возразить, но промолчал. Он поклонился и вышел.

Купальня поместья Эшворт была построена ещё прадедом Лео, который привёз моду на римские термы из своих путешествий. Огромное помещение с мраморным полом, фресками на стенах и глубокой ванной из чёрного камня, в которой могли поместиться три человека. Воду грели через систему медных труб, проходящих через камин в соседней комнате.

Роб лично проверил температуру – ровно тридцать восемь градусов, как любил герцог. Разложил на мраморной скамье чистые полотенца, халат, специальную щётку на длинной ручке для мытья.

Когда он закончил, в дверь постучали.

– Это Алиса, – раздался голос. – Мне велели помочь.

Роб открыл дверь. Алиса стояла в своей обычной униформе – чёрное платье, белый фартук, кружевная повязка – но без перчаток. Её руки были голыми.

– Где перчатки? – спросил Роб.

– Потеряла. – Она улыбнулась. – Не волнуйтесь, я не буду трогать герцога голыми руками. Только через щётку или ткань.

– Я буду следить.

– Конечно, будете. – Она прошла мимо него, оставляя за собой запах ванили. – Вы всегда следите.

Лео вошёл в купальню через пять минут, закутанный в длинный халат. Он был босиком – Роб заметил, что герцог сам снял обувь, без помощи щипцов. Ещё одно маленькое нарушение правил.

– Алиса, – кивнул Лео. – Роб. Я разденусь сам. Отвернитесь.

Роб послушно повернулся к стене. Алиса – нет. Она смотрела, как Лео медленно снимает халат, обнажая бледную спину, узкие бёдра, длинные ноги. Роб услышал её тихий вздох и стиснул зубы.

– Всё, – сказал Лео через минуту. – Я в воде.

Роб обернулся. Герцог сидел в ванне по грудь, вода доходила ему до ключиц. Его руки лежали на бортике – голые, без перчаток, потому что камень не живой.

– Роб, подай мне щётку, – попросил Лео.

Дворецкий взял длинную щётку с деревянной ручкой и протянул её герцогу. Тот начал мыться сам – неуклюже, но старательно, водя щетиной по плечам, груди, животу.

Алиса стояла в углу, сложив руки на груди, и смотрела.

– Вы пропускаете спину, – заметила она.

– Я знаю, – буркнул Лео. – Не могу дотянуться.

– Позвольте мне.

– Нет.

– Ваша светлость, я буду держать щётку. Вы не коснётесь меня. – Она подошла к ванне и протянула руку. – Дайте мне щётку.

Лео колебался, но передал ей инструмент. Алиса взялась за рукоятку, окунула щетину в воду и начала водить по его спине – круговыми движениями, медленно, с нажимом.

– Сильнее? – спросила она.

– Да, – выдохнул Лео.

Она нажала, проводя щёткой по лопаткам, по позвоночнику, по пояснице. Роб видел, как напряглись мышцы герцога, как его пальцы впились в каменный бортик.

– Расслабьтесь, – прошептала Алиса. – Вы слишком напряжены.

– Я не могу расслабиться, когда ты стоишь так близко.

– А вы представьте, что я не я. Представьте, что я – просто руки. Бесплотные руки.

– Это не помогает.

Алиса улыбнулась и перестала водить щёткой. Вместо этого она наклонилась и прошептала ему на ухо:

– А если я скажу, что сегодня ночью снова приду к вашей двери голая?

Роб услышал. Он сделал шаг вперёд, но Лео опередил его.

– Алиса, прекрати, – сказал герцог, но в его голосе не было злости. Только усталость и желание.

– Не прекращу. – Она выпрямилась и отдала щётку Робу. – Я буду делать это снова и снова, пока вы не сдадитесь.

Она вышла из купальни, оставив Роба и Лео наедине с паром и тяжёлым молчанием.

Роб опустил на скамью.

– Ваша светлость, – начал он. – Я служу вам пятнадцать лет. Я видел, как вы превратились из плачущего мальчика в мужчину, который боится собственных рук. Я молчал, когда вы перестали есть, когда вы не вставали с постели, когда вы кричали по ночам от кошмаров. – Он замолчал, подбирая слова. – Но я не могу молчать сейчас. Эта девушка убьёт вас.

– Она хочет меня спасти, – тихо сказал Лео.

– Она хочет себя спасти. – Роб посмотрел герцогу в глаза. – Она влюблена в образ. В проклятого принца, которого нужно расколдовать поцелуем. Но в реальности, если вы коснётесь её, она умрёт. И вы останетесь с этим на всю жизнь.

– А если нет?

– А если да?

Лео закрыл глаза.

– Ты прав, Роб. – Он вылез из ванны, накинул халат. – Но я не могу её прогнать. Потому что без неё я снова стану тем мальчиком, который не вставал с постели. Я лучше умру от попытки любить, чем проживу ещё десять лет в мёртвой тишине.

Роб хотел сказать что-то ещё, но передумал. Он помог герцогу высушить спину, застегнуть рубашку, надеть перчатки. Молча. Как всегда.

Когда Лео ушёл в библиотеку, Роб остался в купальне один.

Он смотрел на мутную воду, в которой ещё плавали пузырьки мыльной пены, и вспоминал.

Пятнадцать лет назад.

Роберт Блэквуд был капитаном гвардии герцога Эшворта – отца Лео. Он воевал, пил, любил женщин, а потом встретил Элинора.

Она была дочерью кузнеца, простая, необразованная, с руками, шершавыми от работы. Но когда она улыбалась, Роб забывал обо всём на свете. Они поженились через три месяца после знакомства. Через год родилась дочь – Лили, рыжая, как мать, с зелёными глазами.

Роб был счастлив. Впервые в жизни.

А потом пришла чума.

Она выкосила деревню за неделю. Роб был в походе, когда получил письмо от соседа: «Элинора и Лили умерли. Приезжай хоронить».

Он приехал через три дня. Их уже похоронили – в общей могиле, без крестов, без имён. Роб стоял у свежего холмика и смотрел на землю, под которой лежали его девочки.

Он не плакал. Он разучился плакать ещё в первом бою, когда его друг истекал кровью у него на руках.

Вместо этого он вернулся в поместье, попросил у старого герцога убежище и клятву: «Я буду служить твоему сыну, пока не умру. У меня больше нет семьи».

Старый герцог – мудрый, седой, с добрыми глазами – положил руку ему на плечо (тогда ещё можно было касаться, проклятие не перешло к наследнику).

– Будь ему отцом, Роб. У меня нет времени – сердце слабо. Вырасти его.

Роб кивнул.

Через год старый герцог умер – от инфаркта, не от проклятия. Маленький Лео остался с матерью, которая боялась собственного сына, и с Робом, который не умел выражать чувства.

А потом случилось проклятие.

Роб помнил тот день в оранжерее. Помнил крик Лео, когда роза рассыпалась в прах. Помнил, как мать герцога побежала к сыну, обняла его – и умерла.

Он помнил, как Лео смотрел на свои руки. В его глазах был не страх. В его глазах была смерть.

«Я чудовище», – прошептал мальчик. – «Я убил маму».

Роб подошёл к нему – медленно, осторожно. Остановился в двух шагах.

– Ты не чудовище, – сказал он. – Ты ребёнок, на которого наложили проклятие.

– Коснись меня, – попросил Лео. – Проверь.

– Нет.

– Боишься?

– Да. – Роб не стал врать. – Боюсь умереть. Но не потому, что дорожу жизнью. А потому, что если я умру, тебе некому будет подавать завтрак.

Лео тогда не понял шутки. Но запомнил.

С тех пор прошло десять лет.

Роб научился кормить герцога щипцами, одевать его крючками, мыть щётками. Он стал его руками, ногами, глазами. Он забыл, каково это – прикасаться к другому человеку.

Иногда, по ночам, ему снилась Элинора. Она улыбалась, звала его, протягивала руки. Но когда он пытался обнять её, она рассыпалась в прах – прямо как та роза.

– Роб?

Голос Алисы вырвал его из воспоминаний.

Дворецкий открыл глаза – он всё ещё сидел в купальне, на мраморной скамье. Вода в ванне остыла.

– Что тебе нужно? – спросил он, не поворачивая головы.

– Поговорить. – Алиса села рядом, оставив между ними одно пустое место. – О вас. О герцоге. О нас.

– О нас не о чем говорить.

– Вы ошибаетесь. – Она посмотрела на его профиль – жёсткий, с квадратной челюстью, шрамом на подбородке. – Вы любили кого-то? До того, как стали слугой?

Роб молчал.

– Я знаю, что любили, – продолжила Алиса. – У вас такие глаза. Как у герцога, когда он смотрит на меня. Голодные.

– Не лезь в мою душу, девчонка.

– Я лезу не в душу. Я пытаюсь понять, почему вы так боитесь, что я прикасаюсь к нему.

– Алиса повернулась к нему лицом. – Вы боитесь, что я умру? Или боитесь, что я не умру, и он наконец-то будет счастлив – без вас?

Роб резко встал.

– Ты ничего не знаешь.

– Тогда расскажи.

Он посмотрел на неё сверху вниз. В её зелёных глазах не было насмешки – только любопытство и странное сочувствие.

– Я потерял жену и дочь, – сказал Роб. – Чума. Я не успел проститься. – Он сделал паузу.

– С тех пор я не прикасался ни к одной женщине. И не хочу.

– Потому что боитесь новой потери?

– Потому что я дал клятву.

– Клятву – или вы просто трус? – Алиса встала, оказавшись с ним лицом к лицу. – Вы боитесь полюбить снова. Поэтому цепляетесь за герцога как за спасательный круг. Пока он проклят – вы нужны. А если он исцелится – вы станете лишним.

Роб побелел.

– Убирайся.

– Я уйду. – Алиса направилась к двери, но на пороге остановилась. – Но запомните, Роберт Блэквуд: я не боюсь смерти. Я боюсь только одного – прожить жизнь, ни разу не коснувшись того, кого люблю. Вы уже так живёте. Не заставляйте герцога повторить вашу судьбу.

Она вышла.

Роб остался один в остывшей купальне.

Он подошёл к зеркалу – старому, в потёртой серебряной раме – и посмотрел на своё отражение.

«Трус», – подумал он. – «Она права. Я трус».

Он провёл рукой по своему лицу – шершавой ладонью, покрытой мозолями. Кожа была тёплой, живой. Он почти забыл это ощущение – прикосновение к самому себе.

«Элинор», – прошептал он. – «Прости меня».

В зеркале ему никто не ответил.

Вечером того же дня Лео сидел в библиотеке, перелистывая книгу о древних проклятиях. Роб стоял у двери, как обычно, но сегодня его молчание было тяжелее обычного.

– Роб, – позвал Лео. – Ты сегодня сам не свой.

– Всё в порядке, ваша светлость.

– Не ври. – Лео отложил книгу. – Это из-за Алисы?

– Да. – Роб сделал шаг вперёд. – Она сказала мне правду. Я трус.

– Ты – самый храбрый человек, которого я знаю, – возразил Лео. – Ты остался со мной, когда все ушли. Ты рисковал жизнью каждый день, принося мне еду. Ты

– Я боялся. – Роб перебил его. – Я боялся не смерти. Я боялся, что если ты умрёшь, мне не для чего будет жить. – Он замолчал, собираясь с духом. – Алиса права. Я привязался к тебе, потому что потерял семью. Ты стал моей семьёй. Но если ты найдёшь способ снять проклятие и будешь счастлив с ней, я останусь один.

Лео встал и подошёл к дворецкому – остановился в трёх шагах, как всегда.

– Ты никогда не будешь один, Роб. – Его голос был твёрдым. – Ты мой друг. Мой отец. Мой спаситель. Даже если я сниму проклятие и женюсь на Алисе, ты всегда будешь рядом. Если, конечно, сам не захочешь уйти.

– Куда мне идти? – горько усмехнулся Роб. – Моя жизнь здесь.

– Тогда не бойся. – Лео протянул руку – в перчатке, но всё равно Роб отшатнулся. – Я не коснусь тебя. Я просто хочу, чтобы ты знал: я благодарен тебе.

Роб смотрел на руку герцога. Белая перчатка, тонкая кожа, длинные пальцы – такие же, как у старого герцога, его отца.

– Я не достоин, – прошептал Роб.

– Ты более чем достоин. – Лео убрал руку. – А теперь иди отдыхай. Завтра будет новый день.

Роб поклонился и вышел.

В коридоре он столкнулся с Алисой. Она стояла у окна, глядя на луну.

– Вы поговорили? – спросила она, не оборачиваясь.

– Да.

– И что вы поняли?

– Что я старый дурак, – ответил Роб. – И что ты, возможно, не так уж и опасна.

Алиса обернулась и улыбнулась – той улыбкой, которая могла растопить лёд.

– Я опасна, – сказала она. – Но только для тех, кто боится жить.

Она прошла мимо него и скрылась в своей комнате.

Роб постоял ещё минуту, глядя на закрытую дверь. Потом медленно поднялся к себе, снял фрак, лёг на кровать.

Перед сном он достал из-под подушки маленький медальон – с миниатюрным портретом Элинор и Лили. Он не открывал его много лет.

«Простите меня, девочки, – прошептал он. – Я не смог вас защитить. Но, может быть, я смогу защитить его. И её».

Он закрыл медальон и убрал обратно.

В первый раз за пятнадцать лет он позволил себе заплакать.

А внизу, в спальне герцога, Алиса снова стояла у двери – голая под плащом, с зажжённой свечой в руке.

– Ваша светлость, – прошептала она. – Я здесь.

Лео открыл дверь.

Он был без перчаток.

– Входи, – сказал он. – Но не касайся меня.

– А ты меня? – спросила она, переступая порог.

– Я не буду.

Она сбросила плащ. Свеча осветила её тело – белое, трепещущее, с розовыми сосками, затвердевшими от холода или возбуждения.

– Сядь на кровать, – приказал Лео.

Она села. Он опустился на колени перед ней – на расстоянии вытянутой руки.

– Раздвинь ноги, – сказал он хрипло.

Она раздвинула. Лео смотрел на её лоно – тёмное, влажное, пульсирующее. Он не касался. Он только смотрел.

– Ты хочешь, чтобы я вошёл в тебя? – спросил он.

– Да, – выдохнула Алиса.

– Я не могу. Но я могу смотреть. И говорить. – Он наклонился ближе, его губы почти коснулись её уха. – Закрой глаза и представь, что мои пальцы внутри тебя.

Она закрыла глаза.

– Я провожу по твоим губам, – зашептал Лео. – Медленно. Сначала одну, потом другую. Ты влажная, горячая. Я вхожу в тебя одним пальцем – глубоко. Ты стонешь.

Алиса застонала – по-настоящему.

– Ещё, – прошептала она.

– Я добавляю второй палец. Растягиваю тебя. Ты сжимаешься вокруг меня, не хочешь отпускать. Я шевелю пальцами – вот так, круговыми движениями. Ты чувствуешь?

– Да, – простонала она, впиваясь ногтями в простыню. – О да.

– Я нахожу твоё самое чувствительное место – вот здесь, внутри, у входа. Я нажимаю на него – раз, два, три. Ты кончаешь?

– Скоро, – её дыхание сбилось. – Не останавливайся.

– Я не останавливаюсь. Я вхожу в тебя третьим пальцем – ты такая узкая, такая тугая. Я чувствую, как ты пульсируешь. Ты готова?

– Да! – закричала Алиса. – Да, да, да!

– Тогда кончай, – прошептал Лео. – Кончай для меня.

Она закричала – громко, отчаянно, выгибаясь на кровати. Её тело сотрясала дрожь, слёзы текли по щекам, а Лео сидел на коленях и смотрел, не в силах прикоснуться.

Когда судороги прошли, Алиса открыла глаза.

– Ты даже не коснулся меня, – прошептала она. – А я я никогда не чувствовала ничего подобного.

– Это только слова, – сказал Лео. – Но когда-нибудь я сделаю это по-настоящему.

– Когда?

– Скоро. – Он встал, подал ей плащ. – А теперь иди. Роб не должен знать, что ты была здесь.

Алиса оделась, поцеловала его в щёку – через ткань воротника – и вышла.

Лео остался один, с дрожащими руками и бешено колотящимся сердцем.

Он посмотрел на свои пальцы – бледные, длинные, смертоносные.

«Скоро, – пообещал он себе. – Я коснусь её. И будь что будет».

За окном выла луна.

Ведьма Моргана сидела на крыше и улыбалась.

– Любовь, – прошептала она. – Какая скука. Я предпочитаю страх.

Она щёлкнула пальцами, и в комнате Лео погасли все свечи.

Герцог вздрогнул, но не закричал.

Он знал, что ведьма наблюдает.

И он знал, что игра только начинается.

Конец главы 3

Объём: ~22 600 знаков с пробелами.

Хотите продолжение – **Главу 4: «Первый поцелуй через стекло»**? Или может быть сцену с ведьмой? Я готов написать дальше.

Мы уже написали пролог и три главы. Пользователь говорит "да" на продолжение. Значит, пишем Главу 4. Напомню контекст: после сцены в спальне, где Лео "вербально" довёл Алису до оргазма, ведьма наблюдает. В главе 4 по плану "Первый поцелуй через стекло". Нужно сохранить стиль, объём 20к+ знаков, эротическое напряжение, без ЛГБТ. Также можно добавить развитие сюжета с ведьмой. Начну.

После той ночи что-то изменилось.

Лео проснулся с чувством, которого не испытывал много лет — лёгкости. Будто камень, давивший на грудь, стал чуть меньше. Он всё ещё боялся своих рук, всё ещё носил перчатки, всё ещё держал дистанцию. Но внутри, глубоко-глубоко, зарождалась надежда.

Алиса не приходила к его двери следующей ночью. И через ночь. И через три.

Лео начал беспокоиться.

— Роб, где Алиса? — спросил он за завтраком, глядя на пустой стул напротив — она обычно сидела там, когда он ел.

— Она попросила несколько дней отдыха, ваша светлость. — Дворецкий наливал чай в чашку, стоя на безопасном расстоянии. — Сказала, что устала.

— Устала? От чего?

— Не уточняла.

Лео нахмурился. Он знал Алису — она не из тех, кто просит отдыха. Она из тех, кто врывается в спальню с криком «Я готова умереть от твоих рук!».

Что-то было не так.

Он отодвинул чашку.

— Я хочу её видеть.

— Ваша светлость, она просила не беспокоить её

— Роб, — голос Лео стал твёрже, — я не прошу. Я приказываю. Приведи её.

Дворецкий вздохнул, поклонился и вышел.

Вернулся он через десять минут. Один.

— Она не открывает дверь, — доложил Роб. — Но я слышал, как она плачет.

Лео встал так резко, что стул упал.

— Где её комната?

— В женском крыле, третья дверь по коридору. Но, ваша светлость, вы не можете туда идти

— Почему?

— Потому что вы прокляты. — Роб преградил ему путь. — Если вы войдёте, а она коснётся вас в порыве чувств

— Она не коснётся. — Лео обошёл дворецкого. — Я буду осторожен.

Он почти бежал по длинному коридору, считая двери. Первая — пустая комната для гостей. Вторая — кладовая. Третья. Он постучал.

— Алиса, это я. Открой.

Тишина. Потом всхлип.

— Уходите, ваша светлость. Я я не в форме.

— Я не уйду, пока ты не откроешь.

— Пожалуйста, — её голос дрожал. — Я не хочу, чтобы вы видели меня такой.

— Какой?

— Слабой. Грязной. Жалкой.

Лео прижался лбом к двери.

— Алиса, ты видела меня в худшие моменты. Ты видела, как я плакал. Как боялся коснуться пола. Как мастурбировал под одеялом, представляя тебя. — Он замолчал. — Мы оба не идеальны. Открой.

Дверь медленно приоткрылась.

Алиса стояла на пороге в старой ночной рубашке, с растрёпанными волосами и красными глазами. Она выглядела так, будто не спала несколько дней. Под глазами залегли тени, губы потрескались.

— Ты прекрасна, — сказал Лео.

— Не ври, — буркнула она, отворачиваясь.

— Я не вру. — Он вошёл в комнату, закрыл за собой дверь. — Ты прекрасна, потому что ты живая. Потому что ты чувствуешь. Потому что ты плачешь.

— Я плачу, потому что я дура. — Алиса села на кровать, обхватив колени. — Я думала, что смогу. Что смогу соблазнить тебя, заставить коснуться меня, и всё будет хорошо. А потом я поняла

— Что?

— Что я боюсь. — Она подняла на него заплаканные глаза. — Я боюсь не смерти. Я боюсь, что если ты коснёшься меня и я умру — ты не простишь себе этого. Ты сломаешься. А я не хочу быть причиной твоей боли.

Лео медленно опустился на пол у её ног — на безопасном расстоянии, но так близко, как только мог.

— Ты уже стала причиной моей боли, — сказал он. — Но в хорошем смысле. Ты заставляешь меня чувствовать. А это больно, когда десять лет не чувствуешь ничего.

— Я не знаю, что делать, — прошептала Алиса. — Я хочу тебя. Но я боюсь тебя потерять. Не из-за смерти — из-за того, что ты возненавидишь меня, если я умру.

— Я никогда не возненавижу тебя.

— Ты не знаешь.

— Знаю. — Он протянул руку — в перчатке — и остановился в сантиметре от её колена. — Можно?

— Не надо. — Она отодвинулась. — Если ты коснёшься меня даже через перчатку, я сорвусь. Я попрошу большего.

Лео убрал руку.

— Тогда что нам делать?

— Не знаю. — Алиса шмыгнула носом. — Может, просто поговорим? Обычный разговор. Как нормальные люди.

— Я не нормальный, — напомнил Лео.

— Я тоже, — усмехнулась она. — Я горничная, которая влюбилась в проклятого герцога и мечтает умереть от его рук. Это не нормально.

— Это безумие, — согласился Лео. — Но мне нравится.

Она улыбнулась — в первый раз за несколько дней. Слабо, но искренне.

— Расскажи мне о своей матери, — попросила Алиса. — Не о смерти. О жизни. Какой она была?

Лео задумался.

— Она любила розы. И пела. У неё был низкий голос, контральто. Она пела мне колыбельные перед сном. — Он замолчал. — Она была счастлива с отцом. Я помню, как они танцевали в гостиной, когда думали, что никто не видит. Он кружил её, а она смеялась.

— Ты похож на неё? — спросила Алиса.

— Говорят, глаза. Такие же серые. — Он посмотрел на свои руки. — Но характером — в отца. Упрямый, замкнутый.

— Ты не замкнутый. Ты просто защищаешься.

— Возможно.

Они говорили ещё долго. О детстве, о страхах, о мечтах. Алиса рассказала, что выросла в приюте, что никогда не знала родителей, что её наняли в поместье случайно — она просто пришла и сказала: «Я буду работать бесплатно, только пустите». Роб хотел прогнать, но она упала на колени и пообещала не приближаться к герцогу.

— Ты нарушила обещание в первый же день, — заметил Лео.

— Потому что увидела тебя. — Она покраснела. — Ты сидел у окна, такой бледный, такой одинокий. Я поняла, что не могу держаться на расстоянии. Что должна подойти.

— Ты рискнула жизнью.

— Стоило того.

Они замолчали. В комнате стало темнеть — солнце садилось за деревьями.

— Мне пора, — сказал Лео, вставая. — Роб будет волноваться.

— Не уходи, — попросила Алиса. — Ещё немного.

— Не могу. Если я останусь, я сделаю глупость.

— Какую?

— Например, попрошу тебя снова раздеться.

— А если я сама разденусь?

— Алиса

— Шучу. — Она улыбнулась. — Иди. Но завтра завтра мы что-нибудь придумаем. Что-то, что не убьёт нас.

— Что, например?

— Не знаю. — Она встала, подошла к комоду и достала оттуда тонкое стекло — ровно такое, чтобы закрыть лицо. — Например, это.

Лео уставился на стекло.

— Ты хочешь

— Поцеловать тебя через стекло, — закончила она. — Это не прикосновение. Это иллюзия. Но, может быть, этого хватит.

Он смотрел на стекло, потом на неё.

— Завтра, — сказал он. — В оранжерее. В полдень.

— Договорились.

Он вышел, а Алиса осталась одна, прижимая стекло к груди.

— Завтра, — прошептала она. — Первый поцелуй.

Оранжерея поместья Эшворт была заброшена много лет — после того дня, когда Лео коснулся чёрной розы. Стекланные стены покрылись пылью, растения засохли, фонтан пересох. Но сегодня Роб получил приказ: «Приведи оранжерею в порядок».

Дворецкий не спрашивал зачем. Он просто делал.

К полудню оранжерея сияла чистотой. Роб заменил мёртвые цветы на свежие — белые лилии и красные розы, которые не рассыпались от прикосновений, потому что их никто не трогал. Он протёр стёкла, наполнил фонтан, поставил в центр скамейку.

Когда Алиса вошла, она ахнула.

— Это это прекрасно.

— Герцог приказал, — сухо ответил Роб. — Я выполнил.

— Вы молодец, Роб.

— Не льстите мне, девчонка. — Он направился к выходу, но на пороге остановился. — Алиса?

— Да?

— Будьте осторожны. С ним. С собой. — Он не обернулся. — Я не хочу хоронить ещё кого-то.

Он вышел, оставив её одну.

Через пять минут пришёл Лео.

Он был без верхней одежды — в простой белой рубашке и чёрных брюках. На руках — тонкие перчатки. Волосы зачёсаны назад, глаза горят.

— Ты пришёл, — сказала Алиса.

— Я обещал.

Она подошла к нему, держа стекло обеими руками. Прозрачный квадрат размером с лицо, без острых краёв — Роб отшлифовал их специально.

— Как мы это сделаем? — спросил Лео.

— Я приложу стекло к твоему лицу, а потом поцелую с другой стороны. Ты почувствуешь тепло моих губ через стекло. И я почувствую твоё.

— А если стекло разобьётся?

— Не разобьётся. — Она улыбнулась. — Я проверяла. Толщина в три миллиметра. Выдерживает до ста килограммов давления.

— Ты готовилась, — усмехнулся Лео.

— Всю ночь.

Он закрыл глаза.

— Делай.

Алиса медленно поднесла стекло к его лицу. Холодный край коснулся его щёк, носа, губ. Он вздрогнул.

— Холодно.

— Сейчас согрею.

Она наклонилась и поцеловала стекло с другой стороны — прямо напротив его губ.

Лео почувствовал тепло. Её губы были горячими, мягкими, настойчивыми. Они прижались к стеклу, и стекло передавало это давление его губам.

— Это это почти как поцелуй, — прошептал он.

— Только почти. — Она отстранилась, но стекло осталось на месте. — Теперь ты.

Он медленно прижался губами к стеклу. Сначала робко, потом смелее. Он чувствовал влажность — её дыхание оставляло след на стекле, их губы встречались через тонкий барьер, но не касались.

Алиса застонала.

— Ещё, — попросила она.

Он поцеловал сильнее. Язык коснулся стекла — он представил, что это её язык, что они целуются по-настоящему. Алиса прижалась всем телом к стеклу, и Лео почувствовал тепло её груди через тонкую ткань платья.

— Я хочу снять рубашку, — прошептала она.

— Сними.

Она отступила на шаг, не убирая стекло, и медленно расстегнула пуговицы платья. Ткань упала на пол. Под ней оказалась тонкая сорочка — почти прозрачная, сквозь неё просвечивали розовые соски.

Алиса прижалась к стеклу снова — теперь уже почти голая.

— Поцелуй меня здесь, — она провела рукой по своей груди, указывая на сосок. — Через стекло.

Лео опустил голову и прижался губами к стеклу напротив её груди. Он водил языком по холодной поверхности, представляя, что это её кожа. Алиса стонала, прижимаясь сильнее, так что стекло вдавливалось в её плоть.

— Ещё, — шептала она. — Не останавливайся.

Он целовал стекло снова и снова — её грудь, живот, ключицы. Она извивалась, хваталась за его плечи через стекло, но не касалась кожи.

— Я сейчас кончу, — прошептала она. — Только от твоих поцелуев. Через стекло.

— Кончай, — сказал Лео. — Я хочу видеть.

Она запрокинула голову и закричала — тихо, сдавленно, чтобы не услышал Роб. Её тело сотрясала дрожь, слёзы текли по щекам, а Лео смотрел, не в силах отвести взгляд.

Когда судороги прошли, она упала на колени, прижимая стекло к груди.

— Боги, — прошептала она. — Если бы ты коснулся меня по-настоящему, я бы умерла от счастья.

— Или от проклятия, — напомнил Лео.

— Какая разница? — Она подняла на него влажные глаза. — Я уже умерла. И воскресла. С каждым твоим поцелуем через стекло.

Он опустился перед ней на колени, их лица разделяло стекло.

— Алиса, — сказал он. — Я люблю тебя.

— Я знаю.

— Я хочу коснуться тебя.

— Я знаю.

— Но я боюсь.

— Я знаю, — прошептала она. — Я подожду. Сколько нужно.

Она убрала стекло и поцеловала его в щёку — через ткань его рубашки, не касаясь кожи. Лео почувствовал тепло и снова закрыл глаза.

«Скоро», — подумал он. — «Скоро я найду способ».

Ведьма Моргана стояла за стеклянной стеной оранжереи и наблюдала.

— Мило, — прошептала она. — Но недостаточно. Им нужен толчок.

Она щёлкнула пальцами, и одно из стёкол в оранжерее треснуло. Тонкая паутина побежала по прозрачной поверхности.

Лео и Алиса обернулись.

— Что это? — спросила она.

— Не знаю. — Лео подошёл к треснувшему стеклу. — Моргана, — выдохнул он. — Она здесь.

Ведьма появилась из ниоткуда — как всегда, в платье из вороньего пера, с чёрными глазами.

— Герцог, — проскрежетала она. — Как мило вы играете в любовь. Но время истекает.

— Что вы имеете в виду? — спросил Лео, заслоня собой Алису.

— Проклятие усиливается, — ответила Моргана. — Каждый раз, когда вы чувствуете сильное желание, оно становится сильнее. Вы думаете, что приближаетесь к снятию? Нет. Вы приближаетесь к смерти. Через месяц вы не сможете касаться даже неживых предметов. Всё, к чему вы прикоснётесь, будет умирать. Даже воздух.

Лео побледнел.

— Вы лжёте.

— Хотите проверить? — Ведьма протянула ему сухой лист. — Коснитесь.

Он медленно протянул руку — в перчатке — и коснулся листа.

Лист рассыпался в прах.

— Раньше вы убивали только живое, — сказала Моргана. — Теперь — всё. Через месяц вы убьёте даже свет, который падает на вашу кожу. Вы станете чёрной дырой. И тогда никто не сможет приблизиться к вам — не то что поцеловать.

— Как это остановить? — спросила Алиса, выходя из-за спины Лео.

— Только одно, — ведьма улыбнулась. — Коснитесь того, кого любите. Если любовь настоящая, проклятие исчезнет. Если нет — она умрёт. И вы останетесь с проклятием навсегда.

— Вы хотите, чтобы я рискнул её жизнью? — прошептал Лео.

— Я хочу посмотреть, — ответила Моргана. — Ставки высоки, не правда ли?

Она исчезла.

Алиса взяла Лео за руку — через ткань перчатки.

— Мы найдём другой способ, — сказала она. — Я не позволю тебе умереть.

— Я не боюсь умереть, — ответил Лео. — Я боюсь убить тебя.

Он выдернул руку и вышел из оранжереи, оставив Алису одну — с треснувшим стеклом и листом, рассыпавшимся в прах.

Вернувшись в свою комнату, Лео упал на кровать и уставился в потолок.

«Месяц, — думал он. — Через месяц я стану ходячей смертью. Не смогу трогать даже дверные ручки. Не смогу писать пером. Не смогу»

Он посмотрел на свои руки. Белые перчатки казались теперь не защитой, а саваном.

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал он, не вставая.

Вошел Роб.

— Ваша светлость, я слышал разговор с ведьмой.

— Ты всё слышишь, Роб.

— Моя работа. — Дворецкий сел на стул у двери — впервые без разрешения. — Я хочу сказать вам кое-что.

— Говори.

— Я видел, как вы целовались через стекло. — Лео вздрогнул, но Роб продолжил: — Я видел, как вы смотрели на неё. Как она смотрела на вас. — Он замолчал. — Я не верил в любовь после смерти Элинора. Но глядя на вас я начинаю верить.

— К чему ты клонишь?

— К тому, что вы должны рискнуть. — Роб встал. — Коснитесь её. Если она умрёт — вы умрёте вместе. Но если нет вы оба будете жить. А жить без любви — это не жизнь. Я знаю.

Лео сел.

— Ты говоришь это? Ты, который пятнадцать лет избегал прикосновений?

— Я ошибался, — сказал Роб. — Я боялся. Не повторяйте моих ошибок.

Он поклонился и вышел.

Лео остался один.

Он снял перчатки. Посмотрел на свои голые руки. Бледные, длинные, с голубыми венами.

«Я коснусь её, — решил он. — Но не сегодня. Сегодня я должен быть уверен».

Он достал из-под кровати дневник и написал:

«День 3654. Моргана сказала, что у меня месяц. Через месяц я стану смертью. Я должен коснуться Алисы до того, как это случится. Если она умрёт — я последую за ней. Если нет — мы будем счастливы. Третьего не дано»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.